

“Indie-rock¹ социология” Мишеля Маффесоли*Аннотация*

Эта статья посвящена социальной теории современного французского социолога Мишеля Маффесоли. Автор подчеркивает ее отличие от академической социологии в контексте рассмотрения социальных и культурных изменений современного общества. Независимая и, местами, непривычная точка зрения М.Маффесоли на эти изменения подталкивает нас к тому, чтобы назвать его теорию “инди-рок социологией”, в соответствии с известным контркультурным движением в рок-музыке.

М.Маффесоли активно занимается изучением “взаимодействия на публике” и сосредоточивает внимание на небольших группах и временных группировках, членами которых мы являемся в разное время на протяжении дня. М.Маффесоли развивает концепцию “неотрайбализма” с целью изучения этих групп посредством описания их социальной композиции, этики и символической жизни. Неоплемена — центральные и ключевые социальные факты нашего опыта повседневной жизни. Таким образом, речь идет о внутреннем анализе “социальности в” обществах, который довольно часто, по мнению М.Маффесоли, анонсируется только через “симулякры” статистической демографии.

Ключевые слова: *неотрайбализм, неоварварство, постмодерная социальность, новая социальность*

Анализ и обсуждение текущего состояния и проблем развития общества должны опираться на четкое определение предмета исследования, что, од-

¹ Использование данного термина является сугубо метафорическим и отсылает к жанровой дифференциации в культуре рок-музыки. Инди-рок (Indie-rock) — жанр альтернативного рока, бытующий в основном в андеграунде, в независимом информационно-коммерческом пространстве, его название происходит от английского слова “независимый” (independent). Это скорее не своеобразный стиль музыки, а термин для обозначения широкого диапазона музыкальных произведений и стилей, объединенных принадлежностью к андеграунду и контркультуре.

нако, уже само по себе оказывается весьма непростой задачей, сложность которой вытекает прежде всего из непреодолимой многомерности понятия “общество”. Феномен, который призвана описывать категория “общество”, постоянно находится в процессе структурных и содержательных преобразований. Общество меняется. Во второй половине XX века эти изменения интенсифицировались чрезвычайно, отражая тектонические движения культурных пластов, незабываемых доселе оснований социальной жизни. Наиболее ощутимые толчки пришлось на 1960-е годы, когда “Западный мир” переживал небывалые всплески контркультурных движений, гражданской активности левонастроенной молодежи, апогеем которых стал парижский май 1968-го. Тогда же в странах Африки и Латинской Америки волной прокатились революции и гражданские войны. Иногда вдогонку, иногда предвосхищая массовые волнения, западные гуманитарии традиционно связывают их с социальными проблемами, предлагая описание этих изменений классическими категориями марксизма или либерализма: отчуждение, справедливость, свобода.

До конца 1960-х годов адепты “антимодернизационной парадигмы” в унисон заявляли о кризисе позднего модерна и, по-видимому, резонно осуждали его за весь комплекс проблем, навалившихся на человечество: как хорошо знакомых (топливные и финансовые кризисы), так и абсолютно новых (экологические катастрофы, смертоносные вирусы), перед нажимом которых капитулировали все территориальные и государственные границы. Клаус Оффе, Карл-Дитер Опп, а также неофранкфуртцы, оперируя онтологией и гносеологией К.Маркса, по инерции рассматривали капиталистическое общество с точки зрения классово дифференциации и свойственной ему эксплуатации и неравенства. Им удалось довольно полно описать характер изменений структуры западного общества. Правда, рост среднего класса, развитие сферы услуг, расслоение пролетариата отнюдь не привели к желаемому равноправию, однако породили множество диффузных систем властных иерархических структур. Для борьбы с ними Т.Адорно, М.Хоркхаймер, Г.Маркузе, Ю.Хабермас вместе с постмодернистами на страницах своих книг предлагают интеллектуальное орудие, “катехизис” эмансипации — необратимую и деконструирующую критику социального порядка.

Указывая на актуальность данного исследования, замечу, что предложенная “терапия” малоэффективна, поскольку упомянутые выше ученые, на мой взгляд, установили ошибочный “диагноз”. Поэтому цель этой статьи сводится к рассмотрению альтернативного видения происходящих социокультурных изменений, предложенного в социальной теории Мишеля Маффесоли. Современный французский социолог предлагает свою теорию в противовес парадигмам анти- или постмодернизации и в целом модернистической традиции социологического теоретизирования и *декларирует возвращение социального.*

Прежде всего нужно сказать, что эта теория выстраивается вокруг сентенции, согласно которой прежний мир вместе с устоявшимися социологическими схемами его объяснения, интерпретации и прогнозирования уступает место “новому”: несформированному, непонятному и непредсказуемому. А значит, традиционный инструментарий не может быть применен для анализа социальных ландшафтов современности — текучей и неукротимой, как уверяет нас Зигмунд Бауман [Маффесоли, 1991].

Благодаря тщательному изучению новых реалий социальной жизни типа внутренней разнородности общества, интенсификации электронного опосредования публичной коммуникации и развития наднационального измерения социальной жизни М.Маффесоли освобождается от восприятия современных обществ исключительно в перспективе упадка и деградации. Социолог указывает на открытие новых измерений развития социальности как центральной категории анализа. Речь идет не о кризисе, а о сложной трансформации социальности в современном обществе. Для нас такое понимание солидарности наряду с реалиями современной жизни и своеобразным социокультурным контекстом может послужить основанием для выявления разных форм оппозиционных или вовсе политически и экономически нейтральных социальных ассоциаций, а также тенденций их развития в конкретном обществе.

Социологию М.Маффесоли можно отнести к “гибридным теориям” — организующимся на основе междисциплинарного синтеза в лоне социальных наук, и шире — диалога между гуманитарным знанием и искусством, архитектурой, урбанистикой, литературой (ей, кстати, Маффесоли отводит важное место в своих работах как материалу для интерпретации и исследовательского вдохновения). Гибридные теории характеризуются эклектичностью, поскольку сконструированы на смешанной парадигмальной базе. Им также присуща мозаичность проблематик: интенция к поиску новой “историчности”, характерный “культурный поворот”, интерес к теме идентичности, виртуальной реальности новых медиа, рискам глобализации, детерриторизации социального. Таковы теории У.Бека, Э.Гидденса, М.Кастельса, в определенной мере — З.Баумана.

Однако междисциплинарный плюрализм гибридных теорий, в частности теории М.Маффесоли, отнюдь не ориентирован на поиск “утраченного” социального единства путем создания новых или актуализации старых гарантов трансцендентального смысла (Государства, Нации и т.п.). Превратить общность из фрагментированной в более целостную, гомогенную, добиться абсолютной предсказуемости и прогнозируемости или консолидировать людей вокруг стержневого смыслообразующего знания о настоящем и прогнозов в отношении будущего — все это не является задачей подобного рода теорий.

Логика теоретизирования М.Маффесоли выстраивается вокруг определенной *риторики*, на базе которой происходит не просто продуцирование истины с отсылкой к автору, но также поиск форм истинности, предложенных в разрезе преодоления ограниченности конвенционального языка науки путем ее “травления”¹ структурами повседневного языка. Социолог выступает проводником процесса, в бурном потоке которого может возникнуть принципиально новая социально-политическая структура, отвергающая современные фундаментальные принципы научной и социальной организации.

От этих обобщений перейду к рассмотрению основных положений и концепций теории М.Маффесоли.

¹ Термин заимствован из практического словаря металлургии и означает обработку стали путем домешивания к основному химическому составу легирующего компонента для улучшения внутренней структуры и свойств металла.

Социология М.Маффесоли — это дюркгеймовское направление в социологии постмодернизма, ее узловые моменты описания современного общества могут послужить эффективным инструментом анализа феноменов и процессов современного общества. Проблемы определения, осмысления и артикуляции глубинных социокультурных изменений могут быть описаны через выявленные Маффесоли свойства постмодерной солидарности. Но ее главные характеристики заключаются в распаде современных форм обобществления. Это соответственно изменяет социологический метод анализа создаваемых форм, в частности посредством снижения описательных и объяснительных возможностей понятия “общество” и актуализации предложенного Маффесоли в его центральной работе “Время племен” [Maffesoli, 1996] концепта “неотрайбализм” (от англ. tribe — племя), то есть понимания общества как рассеянной микроплеменной сети. “Племенами я буду называть микрогруппы, появление и распространение которых парадоксальным образом сопровождает массовизацию общества” [Maffesoli, 1996: p. 6], — утверждает Маффесоли. Этим понятием автор пытается описать широкий диапазон социальных солидарностей: музыкальные субкультуры, фанов телесериалов, группы по интересам (в рамках культурного досуга), команды, создаваемые вокруг авангардных течений в искусстве, антиглобалистов, экологические движения, молодежные банды, религиозные общины, общественные объединения, блоггерство, социальные сети в Интернете и т.п. — все те, которые в противовес племенам в классическом антропологическом понимании не имеют собственного исторического континуума и не являются бессмертными в социальном смысле.

Неотрайбализм — это концепт, с применением которого М.Маффесоли анализирует объединения, структурированные согласно “социальной логике” в противовес естественной (домодерной) или экономической (модерной). То есть речь идет о логике, разворачивающейся в отношении “общего” и направленной на “общение” как самоцель. Постмодерные племена возникают как объективация идеи “общего” — физической конфигурации и ментальной матрицы социальной жизни. Общее — это символ, а также место социальной жизни. Такие символы и места для комьюнити отождествляются с “общим опытом” (С.Джонс), “общей судьбой” (Ю.Кристева), стилем жизни и т.п. Если общность гордится своими символами, воодушевляется ими и обогащает их смыслом “собственности”, как в материальном, так и в знаковом выражении, тогда она будет защищать их и будет бороться за них. То есть общее и общение как элементы базовой социальности повседневной жизни являются составляющими энергетической подпитки постмодерной солидарности, и это отличает ее от целенаправленных форм солидарности (“single-minded” по М.Уолцеру), которые в итоге представляют собой инструмент удовлетворения определенных частных потребностей. Самоценные полифункциональные социальные группы с их неоднородными социальной и культурной композициями, со своеобразной структурой устанавливаются полуупорядоченными практиками их членов, откуда привносится определенная доля иррациональности.

Социальная жизнь не является фиксированной, она динамична, а нередко и конфликтна, поэтому М.Маффесоли определяет подобные объединения как временные, эмерджентные социальные микрообразования. Автору важно показать процессуальность современных солидарностей: они

постоянно устанавливаются и распадаются, обновляются и модифицируются. “Постмодерные племена должны полагаться на свою гибкость, свое умение адаптироваться как к своевременности, так и к ответственности, быть специфическими и временными” [Maffesoli, 1996: p. 303].

Новая сила социальности для М.Маффесоли заключается в неутрайбализме, сила коммюнити — в его гибкости и неуязвимости для техник власти на микроуровнях. И как это ни парадоксально, силы племени придает технический прогресс, делающий возможным дистанционное общение, скорость реагирования и гибкость: “...современные племена — это коллективности, основанные на ресурсе электронных медиа” [Maffesoli, 1996: p. 112].

Новая социальность связана, по мнению автора, прежде всего с тенденцией дехристианизации, вызванной кризисом современного порядка во второй половине XX века, а именно дегуманизацией городской жизни. Но в отличие от Ж.Бодрийяра, который говорил о “конце социального” [Бодрийяр, 2000], М.Маффесоли находит примеры новой социальности в самоорганизованных и самоуправляемых общностях, призванных самостоятельно решить эти проблемы, хотя и с использованием “продуктов” современной цивилизации.

Напомню, Ж.Бодрийяр под выражением о “конце социального” имел в виду коллапс социальных отношений и редукцию социального к гомогенной “массе”, не имеющей атрибутов, предикатов, качественного измерения или референций. Ж.Бодрийяр полагает, что население современных западных стран не может действовать социально, поскольку нейтрализует или абсорбирует социальные и политические движения, являющиеся “электрическим зарядом” общества как такового. В итоге это население существует только в своем массовом молчании. Этот процесс абсорбции происходит потому, что люди идеализируют знаки и стереотипы публичных спектаклей, привнесенных средствами масс-медиа. Автор резюмирует: социальных отношений никогда не существовало. Ничто никогда не функционировало как социальное; не было ничего, кроме симуляции социального и социальных отношений. По этому поводу нет смысла мечтать о “реальной” социальности; существуют лишь гипостазы симулякров [Бодрийяр, 2000: с. 70].

Маффесоли не торопится делать столь апокалиптические выводы. Он избегает “hard-rock” версии¹ “социологии Армагеддона” Ж.Бодрийяра и предлагает описание социальной жизни в модусе “indie-rock” социологии. Речь идет о фокусировании на самостоятельных альтернативных формах организации, общении и взаимодействии, нередко основывающихся на новых электронных медиа, благодаря их удешевлению, доступности и скорости передачи информации. Например, так называемый “WEB 2.0” делает возможным появление сложных горизонтальных сетей виртуальных племен. М.Маффесоли не устает повторять, что “человек может найти себя только в отношении с другим, поэтому мой интерес обращен к тому, что объединяет, а не разделяет” [Maffesoli, 1996: p. 10]. То, что объединяет сегодня, — это “зачарованность миром” [Maffesoli, 1991], то есть модой и большим интересом ко всему иррациональному, чудесному и одновременно на-

¹ Напомню, что термин “хард-рок” используется для идентификации “тяжелых” жанров, таких как хеви-метал, гранжит и т.п., чтобы отличать их от популярного коммерческого рока.

туральному (витальному)¹. Человеческая страсть находит выход для социальной интеграции в желании обоюдно удивляться чуду, происходящему здесь и сейчас, и безразлично где — на экране мобильного гаджета, на мониторе ПК или в кинотеатре или на рок-концерте.

Итак, мы видим попытки анализировать постмодерную конфигурацию в свете дюркгеймовского понимания нонрациональной связи, существующей между обществом и религией [Дюркгейм, 1991]. Э.Дюркгейм использует термин нонрациональное, отсылая к эмоциональной стороне социальной жизни. К “эмоциям” в этом контексте относятся и такие, как злость, страх, обеспокоенность, и такие, как радость, наслаждение и стыд. Так же и Маффесоли краеугольный камень новой социальности усматривает в эмоциональном измерении социальной жизни, которое сегодня доминирует среди консолидирующих факторов в обществе².

Подтверждением этого служат примеры общественной активности в Северной Африке, широко представленные в социальных сетях (Твиттер, Фейсбук) красноречивыми фото, видеодокументами и трогательными зарисовками, то есть эти события репрезентированы прежде всего с целью вызывать эмоциональный отклик у реципиента — потенциального участника событий — и уже потом для информирования. Подготовка и медийная агитация к подобного рода действиям, как правило, сопровождается так называемым “самиздатом”, использующим средства иронии, карикатуры и т.п., чтобы сформулировать или переформировать “социальное воображаемое” (social imaginary) солидарности молодежи Египта, Туниса, Ливии, в котором идеи гражданского общества, ценности свободы, справедливости — уже больше, чем формальная декларация, они приобретают силу эмоциональной притягательности.

Социальное воображаемое — важное звено в теории М.Маффесоли. Он развивает идеи своего учителя, культурного антрополога Жильбера Дюрана, который работал над развитием “символогии” — построенной на утверждении, что сфера воображаемого и сфера мышления взаимосвязаны и равноправны. Мы мыслим, замечал Ж.Дюран, как категориями языка, так и образами [Durand, 1986: s. 80]. “Символическое воображаемое” Ж.Дюрана — это инструмент проникновения за пределы возможного, позволяющий нам создавать смысл и значение [Durand, 1986, s. 82]. Это мнение составляет опозицию структурализму, фрейдизму и историзму. Универсальные структуры символического, воображаемого лежат в основе плюрализма культур. Но перед нами, — пишет Ж.Дюран, — всегда предстает “проблема символа — это проблема экспрессии имманентности самого символизирующего”. Здесь речь идет об опосредованности, а значит, нетождественности того означающего и означаемого; знак — это всегда неполная объективность, он

1 Сегодняшний мир, по мнению автора, отличается “окультуриванием природы и натурализацией культуры” [Fish, 2003: p. 263].

2 Паритет иррационального, эмоционального в деле (вос)производства племени — производный от недоверия современного человека к тягостным и невнятным суждениям о будущем и вечном. Он тяготеет скорее к естественному и действительному, нежели к абстрактному и далекому. В такие моменты история исчерпывает себя в мифах и явно уступает место социальной памяти (интерес к которой также сказался на работах М.Маффесоли).

не может охватить предмет целиком. Это всегда неоднозначность и амбивалентность. Поэтому использование М.Маффесоли концепта “социальное воображаемое” обосновывается необходимостью уловить динамику социальной жизни, чего тщетно ожидать от понятий “стереотип” и “социальная роль”. Социальное воображаемое — это о способе распознавания группами друг друга в процессе диспута, в ходе которого происходит, так сказать, тестирование и реформирование содержания релевантных значений и мифов (от понятий эстетики в искусстве до дефиниций демократии в политических науках). Концепт “социальное воображаемое” также объясняет, почему социальные группы действуют и поддерживают единство даже в тех случаях, когда они дислоцированы, рассеяны в пространстве и времени [Maffesoli, 1996: p. 150–155].

Еще одной особенностью современной культуры, по мнению французского ученого, является ренессанс *трагического* [Maffesoli, 2004]. Возвращаясь из времен античности, оно приходит на смену драматичности модерна. “В драме модерна можно найти оптимистичное воззвание к тотальности: тотальности себя, мира, государства. В трагедии постмодерна есть забота о целом, что ведет к утрате отдельных Эго в большей самости естественной или социальной инаковости. Нарциссизм индивидуального — драматичен; примат племенного — трагичен” [Maffesoli, 2004: p. 112].

Возвращение трагического сегодня трудно не заметить в современном искусстве, кинематографе и литературе. Они все чаще являют мировые образы “злого” и “плохого”, пьянящие нас изысканностью разрушения, эстетикой безобразного и яркой гаммой бардака. Это богатый примерами треш-арт и небывалый интерес к жанру фэнтези, это популярность идеи “катастрофы”, восхищение “концом света” (очередной можно ожидать в 2012 году, в чем нас красноречиво пытался убедить одноименный голливудский блокбастер). Это и огромная симпатия зрителя к героям-циникам (если не социопатам) громких сериалов типа “Доктора Хауса”, “Идеала”, “Абсолютной власти” и многих прочих хитов западных медиа-гигантов.

Возвращаясь к нашему рассмотрению, следует добавить, что античность для Маффесоли является периодом более чем интересным, но: “конечно, мы должны понимать “античность” метафорически, в значении контроверзийном ко многим категорическим императивам, сформулированным модерным морализмом, как относительно сексуального, экономического, так и относительно идеологического” [Maffesoli, 2004: p. 115]. Поэтому, считает М.Маффесоли, не рациональный выбор или универсальный этический Закон является цементирующим для постмодерной солидарности, а общая *страсть* и социальная *симпатия* [Maffesoli, 2004: p. 116]. Симпатия и страсть — это составляющие концепта “оргии” как символических действий племени, который он выстраивает на ссылках на дюркгеймовскую “органическую солидарность”, но идет дальше, минуя ее жесткую демаркацию с “механической” солидарностью и фетишизацией последней. Для Маффесоли размышления по поводу социальной истории нельзя свести к четкому делению ее на определенные фазы с присущими им конфигурациями социальной структуры и последовательной сменой друг друга. Он отказывается от идеи эволюции социальной жизни, которая неминуемо ведет к рационализации и индивидуализации социума. Для нынешнего дня не характерно преимущество органической или механической солидарностей,

постмодерная композиция общества характеризуется “сложной солидарностью” (complex solidarity) аффективных племен [Maffesoli, 1996: p. 6].

Еще одно место, где М.Маффесоли отклоняется от дюркгеймовской традиции, — это артикуляция “темной стороны” оргий в жизни постмодерных племен; он одобрительно относится к насилию как неотъемлемой части оргии: курсируя по улице в поиске типичных форм социальной борьбы, автор живо описывает стычки футбольных фанатов команд-соперниц [Maffesoli, 2004: p. 122–123]. Иногда задаешься вопросом, неужели он вполне серьезен, когда, например, подает мафию как образец солидарности, взаимопомощи и лояльности [Maffesoli, 2004: p.125].

Аморализм М.Маффесоли для одного из его критиков, Р.Коллинза, является явным отражением ницшеанства: Диониса — языческого бога — он противопоставляет как христианской добродетели, так и рационализму и индивидуализму Просвещения. Но здесь важно указать, пишет Р.Коллинз, что “его аргументация опирается на магистральную социологическую традицию. Оргия является метафорой конденсации эмоционального соглашения, заключенного с космосом и с другими” [Vauman, 2000]. Э.Дюркгейм, как известно, также уделял особое внимание эмоциональной энергии группы [Дюркгейм, 1991]. В этом скрыт ключ к загадке социального поведения в социологии эмоций.

Интересна также позиция М.Маффесоли в отношении социологических теорий демократии: “современные морализаторы и критики популярной культуры, как и “христианизаторы” в прошлом, являются привилегированной элитой, которая пытается навязать свое господство. Но массы всегда оставались в большинстве своем языческими. Они руководствуются не только разумом, но и эмоциями, чувствами, настроением, всем нерациональным, что дано в мире” [Maffesoli, 2004: p. 130].

Сила теории Маффесоли заключается в том, как он расширяет концепцию Э.Дюркгейма, изображая коллективные эмоциональные силы в конфликтной перспективе. Но иногда он уделяет чрезмерное внимание конфликту, приписывая всю динамическую энергию “темной стороне”, будто бы только борьба и аморальные действия могут создать социальную солидарность или спровоцировать социальные изменения.

Механизм, благодаря которому эмоциональные общности вырабатывают консолидационную энергию, имеет общий характер; он работает в церкви и в волонтерских общественных движениях так же, как и в мафии и бандах хулиганов. Разница, как четко понимал это Дюркгейм (и как считала М.Дуглас), в том, что некоторые группы более локальны и закрыты, и соответственно их отношения с посторонними обычно обозначены символическими границами, атаки на которые и оборона которых могут сопровождаться насилием (примером подобных групп являются, в частности, пресловутые скинхеды). С другой стороны, группы могут быть более универсальными и оперировать абстрактными символами, чтобы привлечь потенциальных членов под одну крышу; для таких групп мораль направлена скорее на управление и подчинение насилию, чтобы побуждать к умиротворению в группе с максимально широкими границами (например, Свидетели Иеговы).

Подчеркну, что, по мнению автора, каждое постмодернистское племя имеет нечто вроде символического снаряжения, стиля жизни и общего вкуса, так же как у каждого племени есть свой тотем. Я хотел бы очертить специ-

фику теории М.Маффесоли: для него крайне важно было показать, что моральный или рациональный универсализм мертв и что он никогда и не работал. В своей модели или даже сценарии современное общество он видит как сеть *эгоцентрических локальных* аффективных групп, которые получают энергию посредством борьбы и насилия (некоторые делают это буквально, в столкновениях фанатов с противниками, другие символически, через язык, визуальные образы или практики потребления). Таким образом, можно интерпретировать позицию Маффесоли как постулирующую наличие символических рамок у каждой группы. У них есть свои “шлагбаум” и “демаркационная линия”, между группами пролегают пустыри, “тень молчаливого большинства”; племена разделены ограждениями в знаковом выражении. Тот, кто отважится пересечь границу, рискует угодить в ловушку или быть сражен лучом агрессии. Даже если идеи “общества” или “государства” уже не соответствуют действительному положению вещей, то, согласно логике М.Маффесоли, эта действительность образована из своего рода мини-государств — закрытых общностей. Только эти государства могут перемещаться, они носят за собой свое пространство и требуют таможенной пошлины от каждого, кто хочет туда проникнуть. Всех разделяют границы, и чтобы войти в это мини-государство, нужно знать пароль.

Эти выводы с трудом согласуются с главным тезисом М.Маффесоли об *упадке индивидуализма в массовом обществе*. Если это и происходит на личностном уровне, то на микро- и мезосоциальном уровнях современность переживает скорее расцвет индивидуализма, но коллективного, того, что автор называет “неоварварством”, со свойственной ему сильной солидарностью, слабой дисциплиной, гибкой идентичностью и ситуативным этосом [Maffesoli, 1996: p. 82–86].

Здесь мы сталкиваемся с несогласованностью в работах Маффесоли, обнаруженной Дж.Фишем [Fish, 2003], что склоняет к мысли о том, что последний скорее неявно поддерживает, а не опровергает тезис Ж.Бодрийера о “конце социального”. В таком случае не является ли концептуализация таких понятий, как “неотрайбализм” и “неоварварство”, попыткой сконструировать универсальный язык социального агента (индивида, группы)? Более того, это можно проинтерпретировать, воспользовавшись библейской притчей о Вавилонской башне. Но у Маффесоли речь идет не о построении такой башни, а в определенной мере об организации, менеджменте децентрализованного процесса общения таким образом, чтобы из него органично выплывало знание, имеющее право на жизнь и являющееся доказанным самим фактом своей сформулированности.

Перспектива языковой тождественности, находящейся за пределами башни, — попперовского наращивания логико-научного знания или хабермасовской рационализации жизненного мира, — заключается не в движении к некоему Абсолюту, а, в определенном смысле, в становлении качественно нового уровня социальности: мобильной, прочной, готовой к своевременной консолидации, активной защиты своих прав и соблюдения прав другого. Речь идет об артикулировании идеи демократии — не как власти “молчаливого большинства”, а как развертывания вариативных импульсов приватности: актов непрофессиональной креативности, самопоиска и самореализации; о становлении демократического порядка, упорядоченного *принципом публичности*, а значит, социальности, благосклонной к изолиро-

ванности, индивидуализации, которая от этого не только не теряет, но и становится более сильной.

Подводя итог, еще раз замечу, что, в отличие от способов существования традиционных племен, современная жизнь, по мнению М.Маффесоли, характеризуется появлением постмодерных, или псевдоплемен, то есть принадлежностью ко многим так или иначе связанным между собой группам, которые не имеют устойчивой композиции четко определенной природы и в которых роль, выполняемая человеком, становится источником идентичности, предлагающей, подобно маске, временную идентификацию. Но это группы, имеющие общую территорию (реальную и символическую). Таким образом, социальный статус приобретает амбивалентный характер, а теория Маффесоли, в таком случае, может оказаться полезной в практическом изучении тенденций и феноменов современного общества.

Однако внимание может и должно быть приковано к эффектам трайбализации вообще и организации племен в частности. Это прежде всего предполагает фокусирование на эмансипационном потенциале племени; на гибкости идентичности и социального воображаемого как средств кооперации и препятствования действиям негативных трайбообразных форм этнического национализма, неофашизма и т.п. Важно также акцентирование на выявлении механизмов влияния на формирование или оформление идентичности властными инициативами и культурными индустриями. И последнее — учитывая эвристический потенциал теории М.Маффесоли, следует сказать, что ее нужно рассматривать не как кристаллизованную всеобъемлющую аналитическую программу, воплощенную в догматических положениях и алгоритмах, а скорее как открытую для исследований, дополнений и критики.

Источники

Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Бодрийар Ж. — Екатеринбург, 2000. — С. 102.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии [Электронный ресурс] / Э. Дюркгейм // Социология религии : Реферативный журнал. — 1991. — № 4. — (ИНИОН РАН). Режим доступа : <http://nauka-i-religia.narod.ru/religioved/garadga/text4.html>.

Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное / М. Маффесоли // СОЦИО-ЛОГОС. — М. : Прогресс, 1991. — С. 274–283.

Bauman Z. Liquid modernity / Bauman Z. — Malden : Polity Press, 2000.

Collins R. The Shadow of Dionysus: A Contribution to the Sociology of the Orgy by Michel Maffesoli, Contemporary Sociology/ R. Collins // Theory and methods. — Washington, 1994. — Vol. 23, Iss. 2/ — 318 p.

Durand G. Wyobraźnia symboliczna / Durand G. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.

Fish J.S. Stjepan Meštrović and Michel Maffesoli’s “implosive” defence of the Durkheimian tradition: theoretical convergences around Baudrillard’s thesis on the ‘end’ of the social / J.S. Fish // The Sociological Review. — Blackwell Publishing Ltd. — P. 259–275.

Maffesoli M. The Return of the Tragic in Postmodern Societies / M. Maffesoli // New Literary History. — Baltimore, Winter 2004. — Vol. 35, Iss. 1. — P. 105–142.

Maffesoli M. The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society / Maffesoli M. — London : SAGE Publications ; Thousand Oaks, New Delhi, 1996.

Maffesoli M. Utopia or Utopias in the Gaps: From the Political to the “Domestic”, Diogenes/ Maffesoli M. — English edition. — Fiesole, 2005. — Vol. 52, Iss. 2. — P. 25.